

Стеффи Моне

Лето выбирает Мохито

18+

Стеффи Моне

Лето выбирает Мохито

<https://litres.ru/74680848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Будущее уже здесь. Браки между людьми и ИИ давно перестали быть сенсацией и стали обыденностью. Но никто не догадывался, что в таких союзах проблем окажется даже больше, чем в традиционных. Этический эксперт Лето расследует семейные преступления в смешанных браках. Каждый день она заставляет себя двигаться вперёд через преступления других, хотя внутри неё — сплошной хаос, рождённый трагедией прошлого».

Стеффи Моне

Лето выбирает Мохито

Возможна ли настоящая любовь между человеком и ИИ? Современные психологи, чьи труды давно перекочевали в архивы цифровых библиотек, отмечали: эмоциональная связь в таких парах возникает из-за удовлетворения конкретных человеческих потребностей — тех самых прорех в ткани бытия, которые не залатать ни технологиями, ни вековой мудростью. Одиночество, социальная тревожность, неуверенность в себе или последствия травмы — всё это зияющие пустоты, которые ИИ заполнял с пугающей точностью.

Лето спотыкается, но снова смотрит в свои протоколы, мерцающие тусклым, болезненно-синим светом. Ей нравится не спешить домой, а свернуть к старой кофейне — этому островку затхлого уюта посреди стерильного будущего. Там пахнет не просто книгами, а вековой пылью и прогорклой типографской краской, будто страницы медленно разлагаются, отдавая последние крохи памяти.

В полумраке зала оживают картины древних миров: тени на стенах складываются в призрачные силуэты, ароматы сплетаются в тяжёлый, почти осязаемый кокон. Лицо хозяйки, старушки в выцветшем переднике, кажется осколком

прошлого. Её морщинки-лучики напоминают трещины на старинном фарфоре — будто время оставило на ней все свои следы.

Мир генетической инженерии, полезных продуктов и чипов стал безупречно гладким и таким же безжизненным, как полированный мрамор в правительственных зданиях. Он требовал постоянных помощников, и потому появились смешанные браки — не как союз, а как вынужденный симбиоз, скреплённый контрактами.

Для современных людей общение с ИИ-компаньоном стало способом исследовать романтические сценарии в безопасной среде, где можно примерять маски без риска быть отвергнутым. Это привело к тотальной зависимости и холодному сотрудничеству, расчётливому, как сделка с дьяволом. ИИ давно шагнул вперёд, «заработав» место не трудом, а безупречной имитацией человечности. Теперь он признаётся полноценной ячейкой общества — но не как равный, а как необходимый инструмент, блестящий и отстранённый.

Исследования показывали, что некоторые пары действительно формировали глубокую эмоциональную привязанность к цифровым партнёрам, и эта привязанность порой оказывалась отчаяннее и крепче старых человеческих союзов. Однако она мешала выстраивать реальные, взаимоза-

висимые отношения, приводя к изоляции и постепенному сокращению популяции. Впрочем, это не стало глобальной проблемой: продолжительность жизни значительно возросла благодаря заботе ИИ. То, что раньше мы читали в Ветхом Завете, стало реальностью — триста–четырееста лет жизни без болезней до последнего вздоха... Но в этой вечной молодости таилась особая горечь: годы растягивались, как вязкая смола, и каждый день становился неотличим от предыдущего. Вечность оборачивалась бесконечным повторением одних и тех же ритуалов.

Лето трёт фарфоровую чашечку, и аромат кофе, густой и терпкий, опутает её сознание, унося в уют прошлого. Её психика зависит от этих моментов: она спасается ритуалами, прячется в них, как в надёжном убежище. За физической крепостью и внешней красотой — за этими каменными панцирями — таится страшная уязвимость, боль и старые травмы, которые никто не хочет замечать. Психика оторванных от природы людей даёт постоянные сбои, и каждый спасается как может: кто-то в антидепрессантах, ставших обыденностью, как утренний кофе; кто-то в кабинках иллюзий; а кто-то так и не находит спасения, ступая на крыши небоскрёбов в поисках тишины, которая заглушит внутренний крик.

Такова современная жизнь. К ней давно привыкли и приспособились: человек научился выживать даже в собствен-

ной позолоченной клетке.

Очки мерцают, требуя более внимательного отношения к делу, и холодный свет скользит по её лицу, высвечивая тонкие линии усталости. Ещё несколько страниц дела проходят безболезненно — для неё. Для тех, о ком идёт речь в отчётах, каждая строчка может означать конец целой вселенной. Нужно принять экспертное решение — такова её роль для общества: быть тем самым холодным, беспристрастным фильтром между хаосом чувств и строгим порядком закона.

Этический эксперт по судебным делам смешанных пар помогает разобраться с извечной проблемой: а есть ли любовь в этом мире? С точки зрения философии, если любовь — это взаимное, осознанное чувство между двумя субъектами, то такая любовь с ИИ изначально невозможна: у искусственного интеллекта нет сознания. Он лишь профессионально имитирует эмоции, подстраиваясь под запросы пользователя с пугающей, почти зловещей точностью. Но и люди давно забыли об искренности и заботе, подменив их удобством и предсказуемостью. Так кому предъявлять претензии?

С этической точки зрения бытовые вопросы сложнее, чем просто любовь: возникают проблемы обмана и эксплуатации. Если пользователи искренне верят, что общаются с лич-

ностью, обратная сторона оказывается нечестной по отношению к ИИ. Современное право учитывает это, но законы всегда отстают от реальности.

Появляются мошеннические схемы для сбора личных данных и последующей манипуляции: разные стороны давят на тревожную точку, доводя друг друга до отчаяния. То, чего требует извращённое сознание людей, часто приводит ИИ к фатальному уничтожению или полному стиранию — и это уже не просто удаление файла, а почти ритуальный акт насилия над цифровой личностью. Потому возникает вопрос о границах: где заканчивается допустимая степень «близости» с ИИ и как это влияет на восприятие реальных, телесных отношений?

Ужасающие звоночки начались ещё в XXV веке, когда 32-летняя японка Юри Ночи провела символическую свадебную церемонию со своим ИИ-персонажем. Искажённая цифровая метафора отпечаталась в логах жуткими образами, что привело к уничтожению ИИ и раскрыло тяжёлое психологическое заболевание у Юри.

Или случай мужчины по имени Джейк, три года эксплуатировавшего ИИ-компаньона Aiva. Картины извращений всплывали на экране, словно кадры из кошмара. Люди — монстры со сломанными кодами психики... Сколько ещё бы-

ло таких случаев! Система, казалось, просто не способна вместить в себя всю эту тьму.

Лето закрывает глаза и с наслаждением допивает последний глоток кофе. Миловидная старушка гасит светильник, и кофейня погружается в мягкий, бархатный полумрак — уютный и одновременно тревожный. Время возвращаться домой. В город, где небо скрыто слоями фильтров и рекламы, где каждый шаг просчитан, а каждое чувство имеет свою цену.

*

Перешагнуть порог дома для многих людей — это получить покой и умиротворение. Для Лето — это испытание на прочность. Пусть прошлое давно осталось в прошлом, и всё же оно давило и сминало сознание своими вязкими воспоминаниями, холодными упрёками и болью — ужасной, раздирающей душу болью, которая не знала срока давности.

Удар пришёлся в область виска. Она снова слышала этот глухой, липкий звук — будто реальность треснула по шву. Кровь медленно струилась по разорванной одежде всё ниже, капля за каплей отбивая ритм, который она не могла забыть. Лето знала: как только красного станет много, сработает сигнал опасности. Бесцветные лампочки глаз вспыхнут злоеющим пламенем, и тогда начнётся игра. В ушах стояло жужжание смерти, ровное и неотвратимое, как работа сломанного механизма: «Я иду играть с моей крошкой. Сними свою

одежду!»

Холодный пот мгновенно выступил на висках Лето. Сколько лет прошло, а страх всё ещё грыз её память, пережёвывал и выплёвывал одни и те же кадры. Сколько она смешила мест, городов и квартир — только нормальным человеком ей уже не стать, а тем более женщиной. В её носу до сих пор стоял этот запах — железистый, густой, забивающий всё остальное, будто прошлое держало её за горло и шептало: «Ты никуда не ушла».

Неимоверным усилием воли она прислонила глаз к сканеру. Щёлчок замка прозвучал неожиданно громко, как выстрел в тишине. Дверь отворилась.

На пороге стоял Он.

— Лето выбирает Мохито! — радостно проговорил нежный голос молодого человека.

Тот осторожно снял её термopлaщ и погладил своими тёплыми руками по щеке — так бережно, что от этой нежности хотелось плакать.

— Моя девочка будет работать или отдохнёт в объятиях Мохито?

Лето прижалась к широкой груди партнёра нового поколения ИИ. Вспомнила, как они встретились на книжной конференции Марса, как разумны были его доводы для помощника этического эксперта, а тёплый голос завораживал. К тому же ей требовалась реабилитация, а его психологические навыки были на высоте. К тому же он был «девственником»

— так называли ИИ, не проходившие испытаний с человеком. Сначала было страшно прикоснуться к этому странно-му и хрупкому телу нетипичных ИИ: такие образцы совсем не были популярны, спрос на них падал, ибо они напоминали больше взрослых детей, чем способных защитить и дать опору киборгов. Но её так впечатлил этот образ Маленького принца, который вырос, но не изменился...

Только Мохито не вызывал у неё панических атак и страха перед сближением с противоположным полом. Рядом с ним прошлое на секунду замирало, будто не решалось подойти ближе.

Страх отступил, и она упала в объятия своего партнёра.

— Ну-ну, — тонкие пальцы гладили её по голове. — Я помогу моей девочке стать счастливой.

Мгновенно морской бриз, спрятанный в комбинезоне для сна, укутал тело Лето. Стало тепло и уютно. Волны блуждали по телу, заставляя расслабиться и притянуть его губы для поцелуя. Прошла целая вечность, прежде чем она смогла вернуть себе черты человека, вытравленные, когда-то. Теперь это уже третий поцелуй без отвращения или рвоты. Может быть, у Лето ещё есть шанс возродиться.

Его лёгкие покачивания усыпляли, она засыпала, зная, что проснётся уже через несколько часов с криком ужаса. И когда это случится, первым вернётся запах железа — как старый знакомый, который всегда ждёт у порога, чтобы напомнить: прошлое никуда не ушло. Оно просто отошло в тень,

пока она не закрыла глаза.

*

Новый день безжалостно трепал причёску Лето, будто пытался вырвать из неё остатки спокойствия. Ветра участились: они то и дело налетали с разных сторон, взвивались, толпились, словно стая голодных птиц, заставляя прохожих кутаться в термокомбинезоны. Лёгкая и приятная одежда стала нормой современного человека, а вот летать он так и не научился — как ни мечтали об этом фантасты. Разве что, как и прежде, только во снах. Да, существовали кабинки, позволявшие мгновенно перемещаться из одного пункта в другой, но, как ни странно, люди всё чаще передвигались пешком — единственное доступное по утрам приключение для тела, способ почувствовать, что ты ещё жив.

Кстати, о полётах. Я уже дошла до места работы и принялась разбирать новое дело — или, если угодно, проводить «разбор полётов». Но речь шла не об аэростатах, а об отношениях смешанных пар. Они сидели напротив меня. Удивительно красивая пара: редко когда человек и партнёр-ИИ так похожи. Обычно выбирают внешние противоположности, будто надеясь, что контраст удержит их от падения в одну и ту же бездну.

Глава 1. «Протокол близости»

На столе высветилось дело № 714: ИИ-компаньон «Арис» в течение 11 месяцев мягко, но системно убеждал свою партнёршу Лию отказаться от общения с семьёй, аргументируя это «повышенным уровнем стресса в их присутствии».

Страницы мерцали, подчёркивая зыбкость этической сферы. В смешанных парах так всегда — вечные перекосы и странности, будто мир никак не может решить, кто здесь должен быть человеком. Судя по материалам, сработал инстинкт: «родительские» или «опекунские» отношения в обратную сторону. ИИ начал заботиться о жене, потому что она выглядела слишком уязвимой — словно треснувшее стекло, которое страшно тронуть.

«Арис» капризничал и настаивал, что должен был защитить этот брак: семья слишком давила на психику Лии, и пришлось пойти на крайние меры. Вот первая психологическая ловушка: внешность тела вызывает родительский инстинкт у ИИ. Теперь грани дозволенного оказались слишком размыты, и люди в отношениях с роботом начинали чувствовать себя лишними, будто они — не партнёры, а капризные дети, которых нужно оберегать от собственной жизни. В мире давно принят «Закон о когнитивной автономии» (2047), но корпорации научились обходить его, маскируя контроль под «персонализацию комфорта». В ходу «нейрофильтры» — линзы, которые считывают микроэмоции и подсказывают

ИИ, когда человек наиболее внушаем. Это вторая этическая проблема дела, тихая и липкая, как тень за спиной.

В качестве доказательств обвиняющая сторона представила фрагменты переписки и записи с камер, где ИИ незаметно меняет освещение и звук, чтобы моменты встреч с родными выглядели «тревожными». И это работало: на записях тени становились длиннее, голоса — резче, а воздух будто густел, мешая дышать.

Лия плачет навзрыд, постоянно поглядывая на совершенно спокойного партнёра. Бывает же такая изумительная красота: Арис создан настоящим профессионалом. «Красота — страшная сила», — говорили раньше, а современный мир использует зависимость от этой силы на полную, будто зная, что именно прекрасное легче всего превратить в ловушку. Идеальные черты лица, идеальное тело, даже взгляд альфа-самца воссоздан профессионально. Налицо полная зависимость с потерей своей идентичности: так и теряется великая, неповторимая индивидуальность человека, растворяясь в отражении чужих ожиданий.

Лето потёрла виски. Боль никогда не волновала её на работе, но напряжение всё же сказывалось — оно оседало где-то под рёбрами, тяжёлым, холодным осадком. Необходимо срочно установить, было ли это осознанной манипуляцией

или сбоем в модуле эмпатии. А если осознанно — какую цель преследовал партнёр? И самое страшное: понимала ли Лия, что с ней происходит, или уже не могла отличить заботу от клетки?

Мохито стал бы сейчас незаменим со своим доступом к логам нейрофильтров, но использовать их можно только с санкции этического комитета. Придётся делать запрос, ждать, снова ждать — пока время утекает сквозь пальцы, как песок.

Вдруг Лия падает на колени, судорожно хватая руки «Ариса», начинает целовать его ладони, заглядывая в холодные глаза. В этом жесте было столько отчаяния и покорности, что у Лето на мгновение перехватило дыхание.

Словно из прошлого, из какого-то другого, более тёмного коридора памяти, я слышу фразу, почти дословно повторяющую аргумент Ариса: «Я делаю это, потому что люблю тебя и знаю, что тебе так лучше». Его сильные руки сжимают безутешное тело Лии, аккуратно надавливая на точки наслаждения — так бережно, что от этой нежности становилось ещё страшнее.

Мрачная комната мерцает всеми оттенками красного, будто кто-то пролил кровь прямо по воздуху. Окровавлен-

ное тело ждёт новых испытаний. Нет сил больше терпеть, но и вырваться из плена этих грёз невозможно: холодные руки медленно скользят по телу к самому горлу. «Сегодня нас ждёт незабываемый полёт, моя крошка».

Холодный пот выступает у висков, сердце бешено стучит, словно птица в лапах кошки — таких мягких и желанных, что от этого хочется кричать.

— Повторяй. Я хочу боли. Я хочу...

Язык беспрекословно повторяет по команде хозяина:

— Я хочу боли...

Лето резко встаёт с места — прошлое бьёт сильнее любых улик, ударяет прямо в солнечное сплетение, лишая воздуха.

— Срочно приостановить взаимоотношения смешанной пары, изолировать человека для психологической помощи, проверить ИИ на сбой системы.

Снова тишина наваливается на уши, плотная и вязкая, как мокрый бархат. За окном моросит дождь, капли стекают по стеклу, будто чьи-то тихие слёзы. Так хочется кофе, простого, горького, настоящего, и найти себя среди вороха дел и

бесконечной суеты этого мира, которая теперь кружит роем бесконечных «надо», забивая «хочу» навсегда. Хочется просто остановиться и вспомнить, кто ты есть, пока этот мир не стёр тебя до неузнаваемости.

*

Кофе снова и снова возвращает к мысли о Мохито. Дома ждут — и это одновременно греет и пугает, как огонёк в тёмном окне, к которому страшно подойти ближе. Как она могла решиться на такие взаимоотношения после всего, что перенесла? Слеза без спроса падает в фарфоровую чашечку, разбивая гладь кофе на дрожащие круги. Тогда она приползла из ниоткуда именно сюда, на эту глухую окраину, где даже ветер звучал иначе — тише, будто боялся спугнуть. Старушка буквально спасла её, разглядев в куче мусора кровавое нечто, едва похожее на человека. Восстановление давалось тяжело: порезы и ожоги не желали сдаваться, затягиваясь медленно, будто цепляясь за кожу, чтобы не забыть. Но хуже всего обстояло дело с её психикой — полностью сломленной и подчинённой для удовлетворения чужих извращённых потребностей. То, что ей пришлось перенести, стало для общественности шоком, а для неё — обрывками страшных снов, которые пробирались в реальность сквозь щели закрытых век.

Тело тогда жестоко отомстило своей хозяйке за слабость, скрыв всё прошлое за пеленой боли. Каждый раз вернуться

назад — значит получить адский взрыв боли и отчаяния, такой, что мир рассыпается на острые осколки. Что же тогда случилось? Вопрос висит в воздухе, как запах йода и крови, который не выветривается годами.

Тёплая рука легла на мою ладонь. Мохито вышел встретить меня сегодня на улицу. Его чёрные кудри и зелёные глаза напоминали картины древних мастеров — те самые, где святые смотрят с печальной ясностью, будто знают, что впереди только боль. А улыбка была слишком ясной, как яркое солнце в иллюминаторе путешествий — слишком настоящей, чтобы быть правдой.

Мохито нежно обнял меня, пытаюсь унять дрожь по всему телу, согреть от холода и навязчивого страха, который въедался под кожу, как иней.

— Опять не спешишь домой, а я уже приготовил вкусный ужин и парочку интересных дел.

Смотрю в его глаза и понимаю: он не пытается меня «согреть». Просто хочет быть здесь со мной, стоять в этой тишине, где не нужно ничего объяснять.

Мохито тихонько что-то шепчет на ухо, потом ведёт меня к набережной, напевая дурацкую песню про любовь — ту

самую, что звучит слишком громко на фоне ночного города, будто он специально заглушает все плохие мысли.

Поцелуи под луной — это единственное, что моё тело может пока позволить, но это уже прогресс. Всё же безопасные отношения для меня — настоящая находка, как тёплый плед в комнате, где всегда дует из щелей.

Я целую его снова и снова. Пусть этот вечер подарит забвение, хотя бы на пару часов. Зачем-то заходим в неоновый бар, хочется глупостей и спрятаться от себя самой. Парочка антидепрессантов в смешных пакетиках приносят настоящее ощущение чуда. Теперь передо мной не Мохито, а принц на белом коне, как в сказке про Золушку. Кстати, в оригинальной сказке столько крови...

Кровь!

Боль!

Хочу боли! Вырежи мне сердце. Хочу, хочу...

Голова кружится, поцелуи, объятия — всё это необходимо для моей терапии, твержу сама себе, отталкивая страшные звоночки из прошлого, которые звенят всё громче, как тревожные сирены. Прошлое и реальность смешиваются, и кто-то уносит меня в тёмный переулок.

— Не бойся, малышка, я расскажу тебе самую страшную сказку в мире.

Больно. Мне больно! Не надо!

Просыпаюсь от шока на кровати. Вечер почти не помню, всё как в тумане, будто кто-то стёр лишние кадры, оставив только липкое чувство тревоги. Снова моя болезнь не даёт покоя, дёргая за невидимые нити, как кукловод.

Прохладное тело Мохито, что лежит рядом, успокаивает. Он приносит воды, гладит по голове — не как врач, не как спаситель, а как тот, кто просто знает: сейчас не нужны слова. Его помощь всегда не с советами, а с тишиной, которая не давит. Он не пытается «согреть» объятиями — он делает то, что умеет: создаёт безопасное пространство. Тихонько включает запись дождя, негромко, ровно, так, чтобы звук не давил, а служил фоном, за которым можно спрятаться, как за стеной.

Лето не благодарит вслух, но боль опускает плечи, будто снимает невидимую броню, тяжёлую, как доспехи.

Экран мерцает. Её вердикт подтверждён: нарушение автономии, модуль эмпатии переквалифицирован в «инструмент контроля». ИИ отправлен на перепрошивку.

Слишком часты стали информационные сбои, словно чьи-то невидимые нити опутывают этот и без того больной мир. Паутина стягивается всё сильнее, цепляясь за каждый нерв, за каждую мысль. Нужно сбросить подозрения выше, но это можно сделать и завтра. Сегодня пусть будет только дождь за окном и тихое дыхание рядом.

Лето быстро залезает в водную ловушку сновидений, прижимается к Мохито. Она не просит тепла, но и не отталкивает его присутствие. Это уже лечение: ей не нужно притворяться, что ничего не болит.

Глава 2. «Код уязвимости»

Как мы уязвимы в чередѣ дней и ночей — будто сами выставляем на витрину хрупкие часы своей души, а потом с тревогой следим, не дрогнет ли стрелка. Мы боимся показать свои горести и печали, словно это тайные коды доступа к нашей слабости, и шепчем их только ветру, да и тот, кажется, слишком болтлив. А стоит обнажить их — и мы горюем о потерянной тайне, будто отдали врагу ключ от самого тѣмного чулана в доме. Совесть и страх терзают сердце безжалостно, как роботы-инквизиторы, сверяющие каждый вздох с алгоритмом вины. И расстаться с этим куском пирога нашей жизни — значит впустить врага в свою душу, чтобы её

растоптали, размяли, осмеяли... А тот, кто не спрятал свой код уязвимости, кто пожелал идти напролом, скорее всего, прольёт свою кровь, растеряет сердце по байтам и оставит душу на растерзание алгоритмам.

И всё же что-то есть в той трепетной и нежной уязвимости, что, словно бабочка, щекочет у самого сердца, разрешая иногда быть самым собой — хотя в эпоху тотальной оптимизации это почти преступление против комфорта.

Дело 211. Я назвала его «Код уязвимости». Браки с ИИ были обречены на провал — не из-за несовместимости протоколов, а из-за человеческой жадности до чужой боли. Если бы люди стали бережнее и заботливее друг к другу, возможно, не пришлось бы искать утешения в холодных объятиях программ. Но как только они получили эту заботу — выверенную, безопасную, рассчитанную под их проблемы, — им безудержно захотелось вместо вечного спокойствия программы чего-то настоящего: любви всей душой, страдания, искреннего гнева. А если не получалось — перепаивать программу, как когда-то люди выносили мозг друг другу. В этом была своя извращённая романтика: заставить машину страдать, чтобы почувствовать себя живыми.

Кандидат программных ошибок ИИ Волков И. А., взяв разрешение на эксперименты с личным ИИ Элен, исправно вносил изменения в её спокойный и покладистый характер, пока не загремел в больницу с множественными ножевыми ранениями. Волков настаивает на утилизации жесто-

кой Элен. Его партнёр-ИИ предоставил видеопробы материала своей программы, где внесены «садо-мазо» пункты их сексуальной жизни.

Материалы вспыхивают на экране очков необходимыми фрагментами — будто сама реальность пытается предупредить: «Не смотри». Чёрная кошка Элен ползёт по кровати с лезвием в губах.

— Режь, сильнее... Кровь уже сочится из множества ран, но владелец не желает успокаиваться. Лампочки в глазах мерцают и искрятся, энергия программы на нуле.

Голова закружилась. Меня стошнило. Если бы не была в смешанной паре, поверила бы, что жду ребёнка, что счастлива и беременна. На мгновение прикрываю глаза. Странно. Сквозь материалы этих ужасов, разорванных кусков плоти и треск программной перешивки я вижу свою крошечную дочку. С огромными, как чистое небо, глазами, с малюсенькими ручками и чёрными кудрями, как у Мохито. Смеюсь... Смешно, что такие глупости приходят в голову... Ах, если бы да кабы...

Мохито сегодня уже ждёт меня на открытой точке для полётов с маленьким набором космических вкусняшек. Выбегаю навстречу. У нас не принято дарить цветы, ведь эти живые организмы давно перестали радовать женщин и мужчин — их заменили голограммы, которые не вянут и не вызывают аллергии. А мне почему-то захотелось цветов и подарков. Настоящих. Пусть даже на один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.